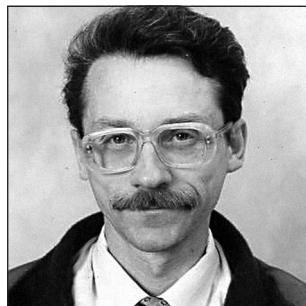

СВОБОДНОЕ НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО И ЕГО ИМИТАЦИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ¹

B. A. БАЖАНОВ

Статья посвящена проблемам, характерным для сегодняшней философской жизни в России. Хотя упадок философской мысли, видимо, преодолен, но качество философских исследований до сих пор в целом невысокое. По мнению автора, необходимы институциональные реформы в области философских исследований и распространения философских идей (касающиеся в первую очередь периодики). Отношение государства к философским изысканиям в лучшем случае безразличное, а скорее всего неблагоприятное. То же касается философского образования (как, впрочем, и всего комплекса гуманитарных дисциплин). Автор выдвигает некоторые идеи, которые могли бы улучшить эту ситуацию.

Ключевые слова: философия в современной России, институциональные реформы, философское образование.

Минуло уже два десятка лет с момента начала перестройки. Этот процесс, всколыхнувший СССР и в конечном счете приведший к его распаду, не оставил равнодушным любого думающего человека и в том, что было СССР, и за пределами СССР. Как эти процессы оказались на тех, кто, вероятно, более

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ.

В. А. БАЖАНОВ

других представителей интеллигенции мечтал о свободе духовной жизни и творчества, – на философах? Действительно ли они освободились от крепких уз марксистско-ленинской идеологии в ортодоксальном варианте и органично вошли в семью мировой философской мысли?

Советская эпоха начиналась с «экспорта» на Запад на «философских пароходах» лучших русских умов. Вот она завершилась. Что дальше? Умы в России не перевелись, в том числе философские. Но нужны ли философы в своем отечестве? Произойдет ли всплеск философской мысли? Вернет ли она себе состояние высокого полета, который был прерван октябрьским переворотом 1917 г. и который ныне известен как «серебряный» век русской философии? Наконец, достаточно ли философы делают для сохранения собственной репутации?

Научное сообщество в отечественной философии. Начало XXI в.

В той мере, в которой справедливо утверждение, что университет – это собрание ученых вокруг хорошей библиотеки, справедливо утверждение, что научное сообщество – это собрание ученых вокруг тех или иных («родственных») изданий. Между тем конец ХХ – начало XXI в. открыли качественно новые перспективы и формы взаимодействия научных сообществ, в том числе философского. Речь идет об электронных конференциях. В мире их насчитывается тысячи, а отечественные электронные конференции философов можно пересчитать по пальцам, причем они существуют в вялотекущем режиме (например, таковая имеется у сообщества, занимающегося философией математики). Правда, регулярно осуществляются электронные рассылки новостей (главным образом о предстоящих конференциях)². (Политологи информируют с помощью аналогичных рассылок по значительно более широкому кругу вопросов – о деятельности Российской ассоциации политической науки, о новых вышедших книгах в виде аннотаций, проводят и объявляют результаты конкурсов политологических работ в разных «жанрах» и т.д.). Ни один из отечественных философских журналов не имеет полноценного электронного «аналога» (на сентябрь 2009 г.), который позволил бы отказаться от дорогой подписки и открыть возможность заказывать

² Попытки расшевелить философское сообщество, предпринятые, например, в Российском государственном университете им. И. Канта (Калининград) путем создания электронного ресурса <http://ratio.albertina.ru>, заслуживают высокой оценки, но это почти что (пока, январь 2009 г.) единичный случай (соответствующие ресурсы на <http://www.philosophy.ru> или <http://www.logic.ru> находятся почти в замороженном состоянии).

статьи строго по интересам, «точечно», как давно принято в западных журналах. Журнал «Вопросы психологии» (www.voppsy.ru) обеспечивает такую возможность, что существенно расширяет его аудиторию. Более того, кажется, лишь журнал «Эпистемология и философия науки» достаточно регулярно выставляет содержание номеров в Интернете; журнал «Вопросы философии» делал то же самое только 2–3 года в начале 2000-х гг. на сайте <http://www.logic.ru>, но с января 2008 г. этот ресурс оказался недоступен, публикация содержания журнала на короткое время возобновилась с № 9 за 2008 г.; с № 6 за 2009 г. на сайте <http://vphil.ru>.

Российское философское общество (РФО) могло бы взять на себя функции, аналогичные тем, что выполняет Российская ассоциация политической науки, тем более что оно ежеквартально (традиционным образом) выпускает «Вестник РФО»³. Почему бы не расширить его функции – ведь оно должно действовать в интересах научного сообщества? Однако складывается впечатление, что РФО больше заинтересовано в рекрутинге новых членов, чем в поддержании его высокого реноме. Едва ли не в каждом номере «Вестника РФО» появляются материалы, которые заставляют буквально краснеть за их качество и профессиональный уровень (я не говорю о трате бумаги на ежегодную публикацию списка членов общества, которая сродни телефонной книге). Короче говоря, отечественное философское сообщество в недостаточной степени структурировано и представляет собой, возможно, за редкими исключениями довольно рыхлое образование.

В декабре 2008 г. я разговаривал с одним очень известным и глубоким философом из ИФ РАН. Назовем его профессор Н. В беседе он ничтоже сумняшеся сказал, что не читает даже журнал «Вопросы философии», хотя там периодически печатается (об этом феномене «нечитательства» еще в 1988 г. писал М.А. Розов в том же журнале⁴). Пока мы будем писателями, манкируя ролью читателей, то даже не стоит мечтать о преодолении рыхлости научного сообщества.

Если не читать работы своих коллег, то получается в высшей степени «свободное научное творчество» – творчество, не обремененное ничем иным, кроме как собственными размышлениями. Однако могут ли быть последние полноценными, если они зиждутся только на собственном опыте и силе мысли? Все-таки как не интерпретируй известное высказывание И. Ньютона о природе его достижений, но «плечи гигантов» еще никому и никогда не мешали. Вовсе не случайно науковеды

³ Существовала «Экономическая и философская газета», но она в силу своей очевидной политической ангажированности и маленького тиража никоим образом не могла претендовать на роль координирующего органа философского сообщества. С 2007 г. группой энтузиастов издается «Философская газета», которая по-прежнему не затрагивает болевые точки жизни современного философского сообщества.

⁴ См.: Розов М.А. Философия без научного сообщества? // Вопросы философии. 1988. № 8.

В. А. БАЖАНОВ

заметили, что *число ссылок в отечественных работах* (по гуманитарным наукам в первую очередь и в том числе) *в несколько раз меньше, чем в западных*. Отсюда легко заключить, что наши западные коллеги не считают зазорным следить за текущими и прошлыми публикациями и не отказываются от упоминания в своих оригинальных текстах своих интеллектуальных «попутчиков» и партнеров.

Даже сообщество логиков и историков логики, аффилированных с философией, довольно сильное и профессионально компетентное, члены которого ежегодно собираются и обсуждают свои проблемы либо на конференциях в СПбГУ, либо на Смирновских чтениях, функционирует существенно менее активно и сплочено, нежели соответствующие западные сообщества.

Не следует удивляться, что в течение года ныне в России защищается обычно не более одной-двух докторских диссертаций по логической проблематике (и не более дюжины кандидатских диссертаций).

Логика уже более 10 лет является весьма популярной учебной дисциплиной. Многочисленные юридические, психологические и иные гуманитарные вузы, факультеты и отделения не могут обойтись в учебных программах без логики. Данный «социальный» запрос, ясное дело, привлек к чтению логики и написанию соответствующих учебников множество людей, имеющих к логике весьма косвенное отношение или не имеющих этого отношения вообще. Стоит лишь посмотреть на прилавки наших книжных магазинов. Масса учебников по логике написана теми, в чьем списке публикаций нет ни одной логической работы и чье присутствие не отмечено ни на одной конференции по логике. Кто такие, скажем, А.Е. Иванов или О.Д. Шипунова? (Список имен легко продолжить.) Мне не посчастливилось встретить их ни на одной логической конференции и не увидеть ни одной их оригинальной логической работы (я не всеведущ и допускаю, что мне просто не везло с источниками, хотя и считаю это маловероятным). Но их учебники по логике изданы большими тиражами и даже имеют грифы. Все-таки учебники должны писать специалисты, которые знают нечто больше, чем доносится до студентов.

Вернемся к периодическим изданиям в области философии.

Если «Вестник РFO» расходится главным образом среди весьма узкого круга лиц, то иногда авторы некоторых материалов, вдохновленные публикациями на его страницах, прорываются «выше» – в издания федерального масштаба, имеющие значительную категорию читателей. Иногда это бывают крайне неудачные статьи, публикуемые на федеральном уровне от имени философского сообщества. Они могут нанести (и наносят!) трудно поправимый вред его репутации и, увы, автоматически репутации каждого философа, обладающего достаточным уровнем профессионализма. Большинство нефилософов выступает против преподавания «непрофильных» дисциплин студентам и тем более аспирантам. К этим дисциплинам относят и филосо-

фию. Если тиражировать не просто непрофессиональные работы, а, мягко выражаясь, работы низкого качества, да еще поучающие специалистов с философских «высот», как жить и думать, то возникнет основание для того, чтобы расстаться с философией как обязательной для студентов дисциплиной (а заодно и с другими гуманитарными предметами), упразднить кандидатский экзамен по истории и философии науки для соискателей ученых степеней, перейдя на рельсы чисто технократического образования, об опасности которого для любого общества и государства давно (и, увы, безрезультатно) напоминает нам, например, Л. Грэхем⁵.

Феномен теневой науки и его проявление в области философии

Еще в конце 1980-х гг. я начал догадываться о существовании особого вида оклонаучной деятельности, которую назвал «теневая наука»⁶ (хотя на неблагополучное положение с процедурами защиты диссертаций обращалось внимание и ранее). Подобно тому как перестройка открыла широкую дорогу для расцвета теневой экономики, она же настежь распахнула в нашем отечестве ворота для вторжения в жизнь теневой науки. Под теневой наукой я понимаю любую научную деятельность, которая не соответствует этосу научного сообщества. Речь идет о фальсификации экспериментов, оценке чужих работ по принципу ложной коллегиальности, нежелания портить отношения с людьми, которые могут «пригодиться», и так вплоть до написания кому-то книг, диссертаций, статей и т.п. Этот феномен, универсальный, характерный для любого научного сообщества, будь то западного или восточного, на просторах СНГ (и особенно в России) принял прямо-таки гигантские масштабы⁷. Эти масштабы заданы в России в последние десятилетия устойчивой тенденцией к деградации и науки, и системы высшего образования⁸. Все это ведет к резкому снижению профессионализма отечественных ученых и педагогов.

Причины низкого профессионализма следует искать прежде всего в катастрофическом снижении требований к докторским диссертациям – снижении, которого не могут остановить такие косметические

⁵ Грэхем Л. Призрак казненного инженера. М., 2000; см. также: Бажанов В.А. Призрак Пальчинского, или Еще раз о важности гуманитарного образования // Вопросы философии. 2008. № 7.

⁶ Бажанов В.А. Наука как самопознающая система. Казань, 1991; Bazhanov V.A. Shadow Science in the Soviet Union // Philosophy and Social Action. 1991. Vol. 17, № 3-4.

⁷ Юрьевич А.В. Теневая наука.ru // Вестник РАН. 2006. Т. 76, № 3.

⁸ Балацкий Е. Институциональные конфликты в сфере высшего образования // Свободная мысль–XXI. 2005. № 11.

В. А. БАЖАНОВ

процедуры Высшей аттестационной комиссии (ВАК), как выделение списка специальных журналов, где рекомендуется публиковать статьи будущим диссидентам. И первый список (2001–2005), и второй (2007), и последующие списки таких журналов содержат издания типа «Вестник Тмутараканского университета» (их сейчас даже больше, чем до «реформы» ВАК и чем в первом списке журналов, где рекомендовалось публиковать результаты, выносимые на защиту в докторских или кандидатских диссертациях), которые никто, кроме самих диссидентов, не берет в руки и где публикации претендентов на ученые степени обычно платные. Публикация в такого рода «ВАКовских» изданиях – дело энергии потенциальных авторов и/или благотворительности. Требование наличия «ВАКовской» публикации для кандидатских диссертаций по социальным и гуманитарным наукам представляется излишним ввиду значительно меньшего числа журналов в этой области (возможно, даже на два порядка), чем журналов по естественным (и математическим) наукам.

Список журналов ВАК в 2008 г., кажется, во многих отношениях превзошел все дореформенные «достижения», а сама реформа свелась к более или менее обязательным публикациям в соответствующих журналах, выведя на оперативный простор бизнесменов от науки, которые начали широкомасштабную кампанию по секвестру денег жаждущих соискателей научных степеней.

Когда несколько лет назад в ВАК решили предпринять реформу института присуждения ученых степеней, токазалось, что реформа существенно сократит число диссертаций, написанных не теми, кто их должен защищать, – диссертаций, выполненных даже «под ключ» (т.е. их «автору» достаточно явиться на заседание специализированного совета и лишь ответить на заранее подготовленные и розданные членам совета вопросы). Действительно, на какое-то время прохождение такого рода работ затормозилось: мало кто рассчитывал, что для защиты потребуются публикации в журналах, обозначенных в специальном списке, для докторских их надо будет иметь 7 (желательно не менее, хотя я знаю случаи, когда их было всего четыре). Однако сейчас можно уверенно утверждать, что все вернулось на круги своя и заслон на пути недобросовестных диссертационных работ оказался неэффективным. В конце концов публикация некоторого минимума работ в каких-то периферийных изданиях, включенных в список ВАК, – дело не более чем техническое в смысле своей сложности. Реформа ВАК породила новые, ранее почти неизвестные и *агрессивные формы* «бизнеса от науки». Речь идет о взимании весьма приличной платы за ВАКовские публикации в большинстве изданий из списка ВАК.

Так, журнал «Гуманизация образования», который имеет право публиковать труды, годные для защиты по педагогике, психологии, экономике, философии, социологии, культурологии, просит с аспи-

рантов по 3 тыс. руб. за 1 страницу, а с тех, кто домогается докторской степени, – по 4 тыс. руб. за 1 страницу (см.: <http://www.gumanizat-ion.ru>; на ноябрь 2008 г.; надо признать, что в октябре 2009 г. это требование убрали с сайта журнала, но по запросу об условиях публикации редакция называет те же цифры, причем статья должна быть не менее 5 страниц).

Благодаря около- и академическим тяжеловесам число ВАКовских журналов фактически вернулось на дореформенный уровень. И совсем не важно, что сейчас журналы носят как бы специализированный характер: в списке 240 (!) или около того (сбился со счета) «Вестников», 70 «Известий», не говоря уж о разных там «Ученых записках», «Ведомостях» и «Трудах». Только от пробивной силы и финансовых возможностей соискателя зависит скорость публикации вожделенного текста.

ВАК недавно закрыл «замечательное» издание – «Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов», который отдал свои страницы статье, сотворенной компьютером и опубликованной одним неравнодушным человеком (конечно, за плату). А сколько еще подобных журналов, которые по своему замыслу «вседядны» и готовы за определенную мзду опубликовать едва ли не любой текст? Какой прогресс в науке обещают, например, такие журналы из списка ВАК (привожу их в алфавитном порядке и лишь выборочно): «Аспирантский вестник Поволжья», «Вопросы современной науки и практики ун-та им. Вернадского», «Дом Бурганова», «Пространство культуры», «Естественные и технические науки», «Естественные науки» (не узковаты ли названия?), «Знание. Понимание. Умение» (знание и понимание – чего? умение – что делать?), «Иновации и инвестиции» (инновации – в чем? инвестиции – во что?), «Преподаватель XX века», «Приволжский научный журнал» и т.д. и т.п.

Только уважающие себя и свое реноме журналы (например, «Вопросы философии», «Эпистемология и философия науки», «Философские науки», «Вопросы истории естествознания и техники») публикуют статьи без какой-либо оплаты – сужу по собственному опыту.

Почему по ВСЕМ отраслям науки число публикаций по докторским желательно иметь не менее 7? Если по алгебре это число может быть и слишком большим, то по педагогике и/или экономике, думается, должно быть не меньше 27, а то и 37.

До сих пор защищают докторские (по гуманитарным наукам) и с 3–4 ВАКовскими публикациями, а иногда заветное число 7 набирают за счет комбинации публикаций по ряду научных направлений (например, по экономике и философии), хотя диссертацию защищают по одному направлению (например, философии).

Зачем для аспирантов, финансовое положение которых нельзя назвать завидным, обязательна публикация в этом списке? Особенно для гуманитариев, которым даже и в эту тьму журналов пристроиться

В. А. БАЖАНОВ

непросто. От наличия данной публикации (где-нибудь в «Вестнике Тмутараканского университета») их диссертация не станет на порядок лучше, а ее отсутствие вовсе не говорит в пользу того, что данная диссертация заведомо слабая. Предписание ВАК публиковать материалы аспирантов бесплатно часто не работает, ибо большинство журналов – это в буквальном смысле коммерческие предприятия. Что касается естественников, то у них и журналов много больше и опять-таки факт такой вымученной (иногда в буквальном смысле) публикации ни о чем не говорит. Если это, конечно, не ведущий академический журнал типа «Успехов физических наук». Короче говоря, наличие ВАКовской публикации для соискателей кандидатской степени вовсе не является гарантией высокого качества работы (а ее отсутствие – заведомо низкого качества работы), но это требование, как показывает опыт нескольких лет, расплодило и «бизнесменов от науки», и горы научной макулатуры, которую кроме как сами соискатели никто в руки не берет.

Кто судьи в советах? Когда из ВАК пошли слухи, что в члены советов надо включать только тех, кто имеет ВАКовские публикации, то обнаружилось, что многие «маститые» ученые таковых не имеют. Они бросились срочно оформлять такого рода публикации.

Мне известны докторские советы по философии в соседних городах, которые давно работают и выпускают десятки докторов наук, но работы их членов мне, имеющему некоторое представление об отечественном философском ландшафте (в общей сложности 9 лет работы в экспертном совете РГНФ и более 5 лет в экспертном совете РФФИ) и продолжающему следить за свежими изданиями, ни разу не попадались на глаза.

Часто встречаются авторефераты докторских диссертаций, все публикации в которых относятся к 2–3 годам (будто за 2–3 года сейчас в гуманитарной области можно сделать что-то крупное!) и/или которые защищаются спустя 2–3 года после защиты кандидатской. Я знаю защитивших докторские диссертации через год (!) после защиты кандидатской (правда, в данном случае речь идет не о философии). О разрыве в 3–4 года между защитами я уже и не говорю: дело это довольно распространенное, включая философские науки. Что можно фундаментального сделать за это время, львиная доля которого неизбежно уходит на возню с бумажками и на процедуры подготовки самой защиты? Это не просто имитация научной деятельности, о которой, оценивая положение дел в советской философии, еще в 1988 г. писал М.А. Розов⁹, а (даже не скрываясь ради приличия) ее профанация. Ученая степень доктора наук (не упоминая о кандидатской) девальвирована до уровня, как ныне принято выражаться, «ниже плинтуса». Сейчас докторская диссертация зачастую представляет собой «расши-

⁹ Розов М.А. Философия без научного сообщества? // Вопросы философии. 1988. № 8.

ренный» вариант кандидатской, лишь декларативно претендуя на открытие «нового научного направления» или «решение крупной научной проблемы» (как требует соответствующее положение ВАК). Большим начальникам наличие ученой степени кажется уже не просто естественным, а необходимым. Губернаторы, мэры, их заместители, члены Государственной Думы и законодательных собраний и т.п. активно приобретают (в самом прямом и переносном смысле) ученые степени, становятся академиками¹⁰ и профессорами¹¹. О чем с гордостью ввиду модной ныне сервильности перед вертикалью власти (значительно реже с усмешкой) извещают средства массовой информации. Вопрос даже не в том, обладают ли указанные счастливчики соответствующими способностями и познаниями. Откуда они находят *время*, чтобы заниматься научной работой, публиковать серьезные материалы и проходить процедуры защиты, которые требуют массы сил и времени?

У меня хранятся визитные карточки ряда докторов философских наук, в которых значится, что они являются носителями степени «доктора философских наук». Полагаю, что это вовсе не опечатка, а отражение реального состояния дел с этими обладателями высоких степеней. Все это заставляет меня предложить следующее:

1. *Отменить* обязательные ВАКовские публикации для аспирантов и соискателей кандидатских степеней. Наличие этих публикаций никоим образом не делает уровень диссертации более высоким (а их отсутствие не сделает более низким).

2. *Радикально сократить* число ВАКовских журналов, оставив в списке только признанные журналы (из «Вестников» и «Ученых записок» – предположительно только МГУ, СПбГУ и Новосибирского университета). Бумагу стоит экономить.

3. *Дифференцировать* число обязательных ВАКовских публикаций для докторских диссертаций в зависимости от специальности.

4. *Разрешить включать в члены специализированных советов* только тех ученых, которые имеют не менее 10 самостоятельных (т.е. без соавторов) ВАКовских публикаций, а если речь идет об экспериментальных науках (типа молекулярной биологии или физики высоких энергий), то не менее 20.

5. *Вернуть правило*, согласно которому один человек может быть членом только одного внешнего совета и (желательно) лишь одного внутреннего.

6. Проводить *постоянную ротацию* экспертных советов ВАК и их председателей через 3–4 года, а также привлекать «провинциаль-

¹⁰ Например, недавно действительным членом РАН стал президент одной северокавказской республики (занятия которого не имеют ничего общего с естественными науками), а звание профессора присвоено президенту другой – тоже северокавказской – республики. Но это лишь случайное совпадение по времени: такими «почестями» не пренебрегают и другие начальники самых разных калибров.

¹¹ См., например, также: Тульчинский Г.Л. Истории по жизни. СПб., 2007. С. 252, 258.

В. А. БАЖАНОВ

ных» ученых для экспертизы диссертаций (как это делает РФФИ в смысле экспертизы заявок на гранты в режиме он-лайн).

Если ничего не предпринимать, то теневая наука продолжит свой расцвет в нашем многострадальном отечестве.

Справедливости ради надо заметить, что фактор девальвации за- тронул философию чуть в меньшей степени, чем педагогику, политологию, экономику или юридические науки, считающиеся более «престижными», чем философия. Но никак нельзя не учитывать его в качестве фактора, определяющего статус нашего ученого сообщества, его репутацию и перспективы эволюции. В связи с этим вспоминается афоризм Е. Леща: «Страшен мир лжи, где все истинно»¹². Российская наука попала в «диссертационную ловушку»¹².

Если уровень докторской степени в философии будет определяться увеличивающейся серой массой философов «мгновенного приготовления», то вряд ли можно рассчитывать на уважение коллег из естественных и математических наук и на признание ценности философского знания. Зачастую члены советов по защите докторских диссертаций не имеют ни одной публикации в журналах ВАК. Они присуждают ученые степени аспирантам, которые имеют хотя бы одну публикацию, и оценивают тех докторантов, которые должны иметь (по правилу, принятому в феврале 2008 г.) семь таких публикаций. Сама процедура защите выстроена таким образом, что неприсуждение степени (отрицательное голосование) считается чем-то экстраординарным, в самом черном свете представляющим диссертационный совет и его председателя. Соискатели всячески стараются избегать принципиальных советов, где случаются отрицательные голосования, а руководство учреждений, в которых работают советы, стремится не допускать такого рода пренеприятных событий. В условиях господства духа сервильности перед начальством и нежелания портить «репутацию» совет с большой степенью вероятности присуждает ученую степень всякому, кто дошел до итоговой стадии – собственно защиты.

Защита диссертации ныне требует значительных расходов (статьи в ВАковских изданиях, оплата «консультаций» в процессе прохождения экспертизы в совете, банкеты, не говоря уж о возможных поездках в другие города, если соответствующего совета по месту проживания диссертанта нет). Что же удивляться уровню коррупции в российских вузах? Некоторые новоявленные обладатели ученых степеней затем «компенсируют» свои непомерные затраты на процедуру защиты, а потом уже не могут остановиться.

О какой планке нравственности соискателей высоких степеней можно говорить, если, казалось бы, ведущие исследователи из МГУ (профессора социологического факультета) уличены в откровенном плагиате, причем в учебниках, изданных большим тиражом, и после этого тем не менее недавно (в 2008 г.) претендовали на звания членов-кор-

¹² Балацкий Е. Диссертационная ловушка // Свободная мысль–XXI. 2005. № 2.

респондентов РАН? Аналогично поступают, впрочем, не только социологи, но и историки, психологи, экономисты, эстетики, как и представители иных наук (см. <http://www.polit.ru/2007/05/28/plagiarism.porouf.html>; http://synesthesia.prometheus.kai.ru/doska_r.htm).

Для отечественных научных сообществ характерен низкий уровень критической саморефлексии, объективной оценки и переосмысления достигнутых результатов, идей своих ближайших или отдаленных коллег. Внешне это выражается, помимо прочего, в том, что отделы рецензий в журналах занимают весьма скромное место (или вообще отсутствуют). В западной периодике данному жанру отводится от четверти до половины объема издания; у нас же если и отводится, то обычно не более двадцатой части, да и то петитом.

Отечественные философы слабо втянуты в международную философскую жизнь. Очень немногие из них владеют иностранным языком. Весьма редко читают иностранную литературу, и не только потому, что библиотеки не имеют средств на ее приобретение, но и потому, что они не умеют или не считают нужным пользоваться электронными ресурсами типа elibrary.ru, jstor.com или questia.com (не в последнюю очередь в силу незнания иностранных языков). Однако при написании диссертаций считается хорошим тоном упомянуть в библиографии несколько иностранных работ.

Участие в крупных международных мероприятиях, куда обычно приглашают всех, кто уплатил немалый регистрационный взнос, порой представляется как автоматическое признание заслуг их участников. В обзоре работы философского конгресса в Бостоне (1998) Н.С. Автономова не удержалась и выразила удивление составом российской делегации (60 человек), включавшей всех, «кто сумел найти спонсора»¹³, среди которых профессионалы, судя по тезисам докладов, составляли меньшинство. Поэтому не стоит удивляться объявлению в центральной академической газете «Поиск» следующего содержания: «Инженер-строитель, участник 20-го Всемирного философского конгресса в США, предлагает услуги по внедрению положений доклада “Философия окружающей среды”, а именно: защиту от распространения радиоактивных выбросов, способы предотвращения аварий на нефтепроводах, в топливных системах и т.д. и т.п.». На по-прежнему низкий уровень профессионализма на крупных философских форумах указывают многие (например, Р.Г. Апресян о значительной части нашей делегации на философском конгрессе в Сеуле в 2008 г., Н.С. Розов и В.В. Ванчугов о последнем Российском философском конгрессе в Новосибирске)¹⁴.

¹³ Автономова Н.С. Впечатления из Бостона // Вопросы философии. 1999. № 5. С. 55.

¹⁴ См.: статьи Р.Г. Апресяна в «Вестнике РГО» (2009. № 2), Н.С. Розова: <http://www.apn.ru/publications/article22011.htm>, В.В. Ванчугова в «Независимой газете» от 15.10.2009.

В. А. БАЖАНОВ

В России считается хорошим тоном жить в унисон с международным научным сообществом. Уже в течение ряда лет в конце ноября громко отмечается Всемирный день философии по линии ЮНЕСКО (о чем гордо извещает «Вестник РФО») и весьма представительная делегация российских философов приезжает (или даже приплывает¹⁵) на всемирные философские конгрессы. Но уже на таких больших специализированных форумах, как международные конгрессы по логике, методологии и философии науки, наше представительство оказывается весьма и весьма скромным.

Труды отечественных философов крайне редко появляются в западных изданиях. Запад по-прежнему судит об отечественной философии преимущественно по трудам Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, М.М. Бахтина. Логики, близкие к философии, знают об идеях Н.А. Васильева и (реже) И.Е. Орлова. Известны имена Л.С. Выгotsкого и А.Р. Лурии, которые, однако, не вполне философы. Но только узкий круг тех, кто интересуется историей и культурой России, имеет представление о философских идеях В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева или А.А. Богданова. Иные имена отечественных мыслителей им почти неведомы (за исключением, конечно, тех немногих западных коллег, которые специализируются по истории русской философии)¹⁶.

Уже состоялось полтора десятка международных олимпиад по философии для юношества¹⁷, но лишь дважды в них приняла участие команда из России (второй раз по инициативе автора настоящей статьи, когда команду собрали в течение одного (!) дня – такая оперативность уже заслуга Л.Т. Ретюнских).

Нам еще предстоит осуществить настоящее вхождение в мировое философское сообщество. Но только после того, как имитация философии естественным образом уступит место реальной философской работе, можно будет надеяться на то, что наши работы будут читать и знать не только специалисты по российско-советской философской мысли. Однако это, судя по всему, произойдет не скоро.

Социальный заказ: история и философия науки

До начала XXI в. аспиранты и соискатели ученой степени должны были сдавать экзамен кандидатского минимума по философии. Однако с приходом нового века ситуация изменилась: экзамен по философии отменили и заменили на экзамен по истории и философии науки.

¹⁵ Как в Стамбуле в 2003 г.

¹⁶ Для расширения интереса западной публики к русской философии весьма полезен сайт, посвященный некоторым ее представителям и поддерживающийся на английском языке: http://www.isfp.co.uk/russian_thinkers/.

¹⁷ См.: <http://www.philosophy-olympiad.org>.

Эта замена явилась результатом компромисса между сторонниками упразднения «непрофильного» для большинства специальностей экзамена и теми, кто считает, что профессионал должен представлять, как развивается наука вообще, его конкретная область знания в частности и то, какие этапы она проходила в своей истории.

Специалистов по истории науки в России крайне мало. Лишь в Москве есть (а ныне влечит жалкое существование) Институт истории естествознания и техники РАН (www.ihst.ru) и имеется его малочисленный филиал в С.-Петербурге. Похожая ситуация и со специалистами по философии науки и техники. По всей стране в последнее десятилетие по этой специальности защищалось в год не более 2–3 человек. Однако новый экзамен потребовал буквально армию историков и философов науки.

Кратковременные курсы переподготовки и повышения квалификации (обычно две недели), организованные для комплектации этой «армии», конечно, не могли перелицовывать специалистов по социальной философии, этике или эстетике в специалистов по философии науки, а сложившихся ученых в области конкретных наук – в историков науки. В ряде центров, которым предоставили право переподготовки, вообще отсутствовали специалисты по истории и/или философии науки (как, например, в Казанском университете, куда меня приглашали для чтения курса по философии науки для представителей физико-математических наук). Однако социальный заказ был весьма настоятельным (под угрозой находилось само существование аспирантуры) и «армия» была сформирована.

Понятно, что не заставил себя ждать поток учебников по философии науки, и авторы многих из них не являются специалистами в данной области.

Таким образом, стало размываться довольно немногочисленное, но весьма компетентное сообщество философов науки. Оно формировалось десятилетиями в советскую эпоху за счет тех, кто уважал серьезную философскую работу и сторонился господствующей коммунистической идеологии, стремясь занять идеологически и политически нейтральные ниши. Одной из таких ниш являлись философские вопросы естествознания (термин «философия науки» неявно считался термином буржуазной философии). Сообщество специалистов в этой области было довольно требовательным, и критерии оценки трудов коллег весьма высокими. Новый экзамен сделал представителей этого сообщества на какой-то срок востребуемыми, но процесс его разбухания за счет «новообращенных» размывает представления о профессионализме в области истории и философии науки.

Основная западная литература по философии науки либо переводилась на русский и издавалась громадными тиражами¹⁸, либо была

¹⁸ Так, «Доказательства и опровержения» И. Лакатоса были изданы в 1967 г. тиражом 70 000 экз. (сейчас о таких тиражах не приходится даже мечтать).

В. А. БАЖАНОВ

доступна только в ведущих московских и/или ленинградских библиотеках. Однако отечественные работы крайне редко публиковались на Западе (ныне положение лишь незначительно улучшилось) по простой причине – некоторые философы хотя и могли читать литературу на иностранных языках, но не могли писать на «кидиоматическом» английском. Запад же не проявлял какого-то видимого интереса к советской философии науки (а сейчас, похоже, этот интерес почти совсем пропал)¹⁹.

Перспективы развития отечественной философской мысли

Философское сообщество в России помещено в плотный социально-политический и научный контекст, поэтому его прогресс (или деградация) будет в значительной степени зависеть от прогресса (или деградации) отечественной фундаментальной науки в целом. Сейчас наблюдается тревожная тенденция: администрации многих вузов делают ставку на прием и обучение студентов по «востребуемым» специальностям, т.е. тем, которые приносят прибыль (на внебюджетных студентов, оплачивающих свое обучение). Прежде всего это юристы и экономисты (хотя говорят о явном их переизбытке, но поток студентов на данные специальности не иссякает, и по-прежнему много готовых платить большие суммы). Специальность «философия» не попадает в число модных и популярных, и нет каких-либо оснований полагать, что здесь ситуация в обозримом будущем изменится к лучшему. Значит, благополучие философского сообщества будет зависеть от числа бюджетных мест в вузах.

Если будет осуществлен переход на двухступенчатую форму обучения (бакалавриат и магистратура) в рамках Болонского соглашения, то это также может весьма неблагоприятно сказаться на философском образовании: философские курсы для нефилософов или будут отменены, или – в «лучшем» случае – сократятся на 50 %. И так скромные курсы философских дисциплин на нефилософских факультетах могут стать совсем символическими. Присутствие философских курсов на уровне магистратуры также сомнительно (или во всяком случае будет опять-таки более чем скромным). Вследствие этого появится много «лишних» сотрудников на философских кафедрах. Весьма вероятный «платный» статус магистратуры сделает невозможным ее существование в провинциальных вузах, значит, существование аспирантуры окажется под угрозой, так как в аспирантуру принимают только выпускников магистратуры.

¹⁹ Конечно, нельзя забыть анализа советской науки Л. Грэхемом, Д. Джоравски, К. Бейлисом и др., но это был анализ науки как «таковой», как явления интересного, но слабо встроенного в мировую научную мысль.

Утилитарное отношение к фундаментальным разделам знания, не дающим немедленного и ощутимого (в буквальном смысле) эффекта в виде поступления средств от обучения, экономической и финансовой деятельности, приведет к упадку отечественной науки: ее фундаментальных областей и прикладных областей (хотя, быть может, на десятилетие позже). Хочется надеяться, что государственная мудрость в сфере науки и образования выразится в планомерной и последовательной поддержке этих – «малополезных» в сиюминутном аспекте – областей знания. Если это произойдет, то за судьбу философии в России не надо будет беспокоиться. Она и философское сообщество будут развиваться естественным образом и со временем могут преодолеть те негативные тенденции, которые наблюдаются сегодня – в той, разумеется, мере, в которой они будут преодолеваться отечественной наукой в целом.